

В.И. Шаховский

*Волгоградский государственный педагогический университет, г.
Волгоград*

ЭМОТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА В ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Ключевые слова: эмотивное значение, эмотивный язык, экологичный климат, компетенция экологичной коммуникации, аффективная коммуникация, эмоциогенный текст

Рассматриваются типичные примеры эмоционального и эмоциогенного текста коммуникативных практик. Постулируется их семиотическая значимость и взаимозависимость с модусом экологичности коммуникативного климата. Предлагается теоретическая интерпретация эмотивных знаков языка и их семантики. Подчеркивается все возрастающая роль новой парадигмы современной лингвистики – эмотивной лингвоэкологии – в исследовании усиливающейся агрессивности всех видов человеческого общения.

V. I. Shakhovskiy

Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd

EMOTIVE MEANING IN LINGUOECOLOGICAL ASPECT

Keywords: emotive meaning, emotive language, ecological climate, competence of ecological communication, affective communication, emotionally evocative text

The article covers some of the common examples of emotional and emotionally evocative texts of communication practices. It postulates their semiotic significance and interaction with the modus of ecological compatibility of communicative climate. The author proposes a theoretical interpretation of emotive language characters and their semantics. The article stresses the growing role of the new paradigm of modern linguistics - emotive linguoecology - in the study of the increasing aggressiveness of all kinds of human communicative activity.

Коммуникативное поведение людей влияет на их психоэмоциональное и ментальное здоровье, а также на здоровье национального языка (Кононова, 2010; Кронгауз, 2012; Ларина, 2013; Романов, 2013; Шаховский, 2012а; 2013 и др.). В последнее время этот факт все более и более привлекает внимание специалистов по теории коммуникации.

В связи с глобальной экспрессивизацией и эмоционализацией всех видов современного общения человека – межличностного, группового, институционального, социального, проявляющегося в фонации, просодии, интонации, в лексике, фразеологии и в невербалике, – сила такого влияния

значительно увеличивается. Так, в названии книги М.А. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва» четко обозначена прямая взаимозависимость между психоэмоциональным состоянием коммуникантов и используемым ими языком, который одухотворяется и приобретает состояние, присущее говорящим – быть на грани нервного срыва. Подобное состояние объясняется все увеличивающейся социальной и индивидуальной агрессией во всех сферах человеческого общения. В указанной книге приводится большое количество так называемой бандитской, гламурной и профессиональной лексики, заполнившей коммуникативное пространство русского языка в последнее десятилетие.

В работах Т.В. Лариной, посвященных изучению категории вежливости в языке, освещается коммуникативная роль эмоций, неумение управлять которыми обуславливает значительное число неудач и провалов в общении. Как показывает автор, коммуникативные неудачи во многом определяются эмотивной некомпетентностью говорящих, неразграничением в речи таких модальных категорий, как «хочешь», «можешь», «должен», смешением и неумением вербализовать важнейшие социальные ценности, взаимной нетолерантностью. Проводя сопоставление культуры общения русских и англичан, Т.В. Ларина подчеркивает «хмурость» и несдержанность русских в выражении эмоций, асимметрию в соотношении негативной и позитивной лексики современной русской речи, популярность обцененной лексики в ней (Шаховский, 2012). На этот факт указывает и специальное исследование М.М. Козыревой, в котором автор обнаруживает популярность мата в современном коммуникативном пространстве и английской, и русской молодежи (Козырева, 2013).

Напомним, что во времена Ч. Диккенса даже слово *damn* считалось вульгарным, обценным и потому не печатным. Таким же словом было и *bloody*. И Б. Шоу был первым, кто устами Э. Дулитл, героини бессмертного «Пигмалиона», со сцены театра королевского театра «Ковент-Гарден» «запустил» в устное обращение это слово, и великосветская публика, особенно леди, с облегчением и удовольствием тут же подхватили его и вслед за профессором Пиккерингом стали «лепить» это слово как эпитет ко всем существительным. В настоящее время оно обесцветилось и превратилось в слабый интенсификатор, на его место заступило слово *fuck* с бесчисленными дериватами. Так, в романе И. Шоу “At the Top of the Hill” персонажами-интеллигентами, журналистами и спортсменами используется более 80 дериватов этого слова. Современные исследователи пишут о распространенности данной единицы в современном англоязычном общении всех социальных слоев, отмечая, что это обценное слово также употребляется лишь как слабый интенсификатор. Но, к сожалению, в современных русско- и англоязычном социумах существует много других обценных слов и выражений, которыми не исчерпывается общение и которые делают его вульгарным и даже неэкологичным (см.: Шаховский, 2012).

Неслучайно сегодня со всей серьезностью встает вопрос о необходимости формирования специальных социальных фильтров, которые бы позволяли контролировать поток неэкологичных вербалий и невербалий в публичном общении. Кроме социальных фильтров должны действовать личностные механизмы, саморецензирующие, регулирующие и редактирующие речь каждого говорящего в межличностном, групповом и межкультурном общении. Такие внутренние механизмы должны формироваться у каждого члена говорящего общества вместе с освоением им языка и прививаться с молоком матери. Именно поэтому лингвисты все чаще и чаще поднимают вопрос о важности лингвоэкологического подхода к языковому обучению и формированию коммуникативной компетенции говорящих: экологичный язык – залог развития экологичного интеллекта, экологичной коммуникации, а значит, формирования экологичного климата общения на всех его уровнях.

В экологическую компетенцию современных членов общества необходимо включить знания о самомониторинге общения, об эмотивной просодии как параметре экологичного общения и как элементе культуры нации и языка; о ее стилистике как модусе экологичности высказывания и его вариантах в высказываниях с разной коммуникативной целью; о лингвоэкологической этике и о фиксации ее семиотических норм в специальных словарях. В перечень конституэнтов этой компетенции необходимо также включить знание об экологической валентности слова и прежде всего эмотивного, об эгоэкологии и об эмоциональном тьюнинге (адаптирующем коммуникантов к условиям общения и к речевому стилю их партнеров), знание об эмотивности как стартовом механизме процесса смыслопорождения высказывания и его экологическом статусе. Для успешности общения людей друг с другом необходимы также специальные познания о конфликтообразующих ипостасях эмотивного слова и другие обширные знания из сферы конфликтологии как науки о видах деструктивного коммуникативного поведения, о чем в своих работах неоднократно писала Е.С. Кара-Мурза (см., например: Кара-Мурза, 2011).

Важными следует считать не только знания об эмотивном / эмоциональном общении, но и о возможности и необходимости приобретения эмотивной компетенции. Значительный объем таких знаний можно почерпнуть из специальной теоретической литературы по лингвистике эмоций (Шаховский, 2008) и ее новому направлению – эмотивной лингвоэкологии (Эмотивная лингвоэкология ..., 2013), а также из недавно вышедшего в свет первого в истории лексикографии лингвоэкологического словаря (Сущенко, 2011), уникального в своей структуре, контенте, в регистрации двух модусов экологичности (подробнее о словаре см.: Шаховский, Штеба, 2013).

Наиболее интересным в указанном словаре, по нашему мнению, является выделение двух противопоставленных зон экологичности общения и их основных терминопонятий. Приведем примеры представленных в нем лингвоэкологических терминов, отражающих созидательный характер

общения: «**Безопасность лингвоэкологическая**» – состояние общественной жизни, которое характеризуется лингвистическим благополучием, возможностью предотвращения языковых аномалий и катастроф, устранения их вредных последствий (Сущенко, 2011: 16); «**Лингвистическая компетентность**» – владение в качестве индивидуальной (государственной) ценности языковой культурой, влияющей на состояние информационного пространства, здоровье индивида и окружающих людей (Сущенко, 2011: 56). Не менее значимыми следует считать выделенные в словаре понятия, отражающие аспект лингвоэкологической опасности коммуникативного поведения: «**Агрессивное поведение**» – нападки на оппонента без учета ситуации и чувств, потребностей или прав объекта нападения (Сущенко, 2011: 137); «**Детериоризация лингвоэкологической среды**» – ухудшение окружающей человека лингвистической среды (обычно в результате антропогенного загрязнения) (Сущенко, 2011: 149); «**Синдром лингвоэкологического напряжения**» – комплекс взаимосвязанных симптомов нарушения лингвистической целостности, связанного с этим нравственного самочувствия людей, характерного для зон лингвоэкологического бедствия (Сущенко, 2011: 183) и др. Термином, объединяющим две названные выше зоны экологичности общения, является термин «**Антропический (антропный) лингвоэкологический фактор**» – воздействие человеческой деятельности на язык и языковую среду, имеющие как положительные, так и отрицательные воздействия (Сущенко, 2011: 14).

В то же время для экологичного общения одних только знаний недостаточно, необходимы еще умения пользоваться этими знаниями. Более того, знаний и умений тоже недостаточно, необходимы еще и устойчивые навыки в пользовании обширными знаниями о модусе экологичности и его зависимости от сиюминутных эмоций коммуникантов. Сформировать эти навыки через специальные занятия и тренинги практически невозможно, экологичному общению следует учиться в реальной коммуникации и развивать свои коммуникативные навыки в течение всей жизни.

Наблюдения за речевым поведением публичных деятелей показывают, что многие из них, увы, реагируют не на рациональное содержание слов, а на их эмоциональный фон. По словам В. Шендеровича, они понимают только «чувственность». Значит, надо дать им почувствовать, что они не правы. Для этого язык располагает широкими возможностями: эмотивной интонацией, просодией, лексикой и синтаксисом, другими единицами с «чувственным» компонентом семантики. Некоторые из публичных деятелей в последние годы изъясняются все более эмоционально и агрессивно, не всегда осознавая свою аффективность, но зато мгновенно реагируя на чужую. Тем самым такое общение умножает и без того вредоносное эмоциональное воздействие современной коммуникации, поскольку при этом создается общее эмоционально-напряженное поле с отрицательной энергетикой.

Примером подобного стихийного эмоционального взаимодействия коммуникантов (Романов, Костяев, 2010) может послужить речевая реакция депутата Государственной думы А. Исаева на публикацию в «Московском

Комсомольце» под названием «Политическая проституция сменила пол» (<http://www.mk.ru/specprojects/free-theme/article/2013/03/15/826727-politicheskaya-prostitutsiya-smenila-pol.html>), а также реакция депутата В.В. Жириновского, который назвал эту газету «Нью-йоркским Комсомольцем», а «Эхо Москвы» попутно – «Эхом Вашингтона». Другим недавним примером воздействия на ощущения, но уже не политиков, а сотрудников «Аэрофлота», было эмоциональное высказывание телеведущего Л. Якубовича на неадекватное пятичасовое поведение сотрудников аэропорта, получившее обсуждение как в СМИ, так и в интернете. Только после горячего слова Л. Якубовича сотрудники «Аэрофлота» начали выполнять свои обязанности, объяснять причины задержки самолета, предлагать бесплатно воду измученным долгим ожиданием вылета пассажирам. До этого «чувственного» аффектива Л. Якубовича все попытки рационального воздействия на сотрудников «Аэрофлота» были безуспешными, и только когда были задеты их личные и профессиональные чувства, они адекватно отреагировали на слова и приступили к действиям. Это совсем не значит, что Л. Якубович в своих оценках и стиле коммуникативного поведения был прав, но ему таким образом удалось заступиться за рядовых пассажиров, когда стало понятно, что по-другому воздействовать на персонал невозможно.

Эти и многие другие примеры речевого поведения, ежедневно транслируемые СМИ и обсуждаемые в обществе, показывают, что эмотивы в разных семантических ипостасях все чаще используются в качестве эмоционального аргумента для достижения коммуникативного эффекта, а эффекты общения в значительной степени определяются модусом сиюминутных коммуникативных эмоций. Многочисленные коммуникативные ситуации демонстрируют случаи нервного срыва как у пользователей языка, так и у самого языка, настойчиво указывают на необходимость перемещения проблемы экологичности языка в центр исследовательской тематики и практических действий представителей науки, общественных организаций, правительства, профессиональных корпораций и отдельных граждан. Именно поэтому для решения проблемы сбалансированного эмоционального модуса экологичности общения в обществе носителям языка необходимо иметь представление об эмотивной семантике слова, его эмотивном потенциале, контенте и функциональных вариантах.

Вопрос о том, что понимать под эмотивным значением единиц языка, до сих пор является дискуссионным в науке. Определение этому сложному понятию в разное время пытались сформулировать многие ученые: А.А. Потебня считал все языковые значения способом представления внеязыкового содержания. В данном случае таким содержанием является аффект, а содержанием самого значения – обобщенное отражение этого аффекта в слове. Некоторые ученые возражают против подведения эмотивного значения слова под какое-либо понятие. С.Б. Берлизон определяет эмоциональное значение как «своеобразный компонент смысловой структуры слова, реализующий эмоцию, а не понятие о ней и

позволяющий выразить (но не обязательно вызывать) различные эмоции и эмоциональную оценку» (Берлизон, 1971: 57). Ч. Огден, А. Ричардс, У. Эмпсон относят междометия, бранную и ласкательную лексику, инвективы (нецензурные слова) и другую лексику, непосредственно выражающую эмоциональные состояния (без их называния), к непонятной на том основании, что сами эти состояния непонятны. Перечисленные категории слов, по их мнению, никаких понятий вне контекста вообще не передают и не представляют (ср.: Шаховский, 1987а). По нашему мнению, однако, если бы все эмотивные значения были оторваны от понятий и не представляли их ни в одном из своих слагаемых, они вряд ли были бы семантизированными и кодированными в словарях, а следовательно, и общепонятными. Ср. кодифицированные эмотивные значения у выражений типа «Кошмар!», «Ужас!» с абсолютно личностными, закрытыми для других коммуникантов аффективными смыслами выражений типа «Убиться веником!», «Застрелиться и не встать!», «Кино и немцы!», «Блин горелый!». Такими примерами могут служить и личностные аффективы Элочки Людоедки – персонажа известного романа Ильфа и Петрова: например, «Мрачный!» (по отношению ко всему: «мрачный кот», «мрачный случай»), «Мрак!», «Жуть!», «Жуткий!» («жуткая встреча»), «Знаменито!» и др. Э.С. Азнаурова пишет, что эмоциональное значение может быть определено как «лингвистическое образование, входящее в семантическую структуру слова в качестве одного из ее компонентов» (подчеркнуто нами. – В.Ш.), выражающее эмоциональное отношение носителя языка к соотнесенному со словом понятию или предмету» (Азнаурова, 1973: 113).

Много сделали для разработки общей теории эмотивного значения Ч. Стивенсон и Э. Станкевич (Stevenson, 1948, 1974; Stankiewicz, 1964). Ч. Стивенсон понимал под эмотивным значением любое языковое выражение с целью психологического эффекта на слушателей. Другими словами, эмотивное значение равно эмоциональному эффекту слова. Такое мнение можно и должно оспаривать, так как, с одной стороны, эмоциональный эффект могут производить на получателя и неэмотивные слова. С другой стороны, одни и те же эмотивные слова могут производить (или не производить) эмоциональный эффект на разных получателей в зависимости от ряда условий по-разному. Возражение вызывает и то, что Ч. Стивенсон все виды эмоционального эффекта слова и языковых выражений объясняет только эмотивным значением, при этом им не разграничиваются случаи типа *home* (вызывание словом приятных ассоциаций), *nazi* (вызывание словом неприятных ассоциаций), *I loved you then* (описание своего прошлого переживания), *How awful!* (выражение своего эмоционального отношения) (более подробный обзор концепций см.: Шаховский, 1987а).

В приведенных определениях, при всей их глубине и объективности, не учитывалось, что эмотивная семантика языковых единиц неоднородна, не принималось во внимание наличие у слов эмоциональной коннотации, игнорировался тот факт, что все эмотивные компоненты семантики так или иначе опосредуются как минимум эмоциональными представлениями, и

именно поэтому любое вербальное выражение эмоций имеет определенную содержательно-концептуальную базу. В то же время для ученых уже давно является несомненным само существование эмоционального феномена в языковой семантике, который необходимо учитывать и с которым нужно считаться: «Отрицать наличие эмоций в языке – значит вступать в противоречие с совершенно очевидным фактом», – писал В.В. Виноградов (Виноградов, 1950: 2).

Приведенные выше рассуждения направлены на то, чтобы подтвердить следующую мысль: в языке как результате опосредования, «переработки» эмоций языком, несомненно, есть эмотивная разновидность семантики, которая неоднородна. Среди различных видов этой семантики есть эмотивное значение. В этом случае эмотивность является самостоятельным содержанием слова или высказывания, а их денотатом / референтом – выражаемая эмоция. Таким образом, можно говорить о специфике эмотивного значения в следующем плане: его специфическим денотатом является выражаемая эмоция; оно не поддается такому четкому и конструктивному определению, как логико-предметное значение, поскольку процесс перехода одного качества признаков (предметного) в другое (понятийное), а этого последнего – в третье качество (семантическое) в случае эмотивного значения идет по явно укороченной программе. В его формировании участвует меньшее количество предметных признаков, с меньшей долей их объективности, с большими границами охвата референтов и пр.

В связи с многообразием проявления эмоций в языке мы предложили свою концепцию эмотивного значения, разграничив описание и выражение эмоций и соответственно – дескриптивное значение, эмотивное значение и эмотивную коннотацию слова. Так, выражения типа *How disgusting!* (*wonderful, charming, etc.*); *Rats! That's horrible!* (*terrible, splendid*) используются не для регистрации и констатации рациональных дескрипций, а для выражения эмоций говорящих; т.е. их эмоциональных состояний и эмоциональных отношений. Эмотивное значение – единственное содержание аффективного слова или высказывания, других компонентов в их семантике нет, в отличие от коннотации, которая является «эмоциональной добавкой» к логико-предметному содержанию слова или высказывания. Ср.: «фу», «ого», «увы» (междометия), «душенька», «голубушка», «золотце» (аффективные адресативы), «общага», «хайло», «канючить» (коннотативы и аффективы речевые). Одним из следствий неадекватного объяснения механизма семантических изменений в языке сторонниками эмотивизма явилось их утверждение, что метафора не обладает ясным когнитивным значением, так как она связана с эмоциями (Жоль, 1984: 95). Ошибочность такого утверждения, а также других типов эмоционального переосмысления и обогащения семантики сегодня очевидна (Шаховский, 1987а). Например, в английском языке с некоторых пор для обозначения подростков стало употребляться слово *teen-ager* после того, как его логический эквивалент *juvenile* приобрел неодобрительную эмоциональную коннотацию за счет

контекста *juvenile delinquent / delinquency* («подросток-преступник», «подростковая преступность»).

Если учесть, что эмотивное значение можно определить как означивание лексического или синтаксического опосредования (т.е. языковой переработки эмоций), получающее статус денотации, если считать язык практическим, действительным сознанием, а понятие формой мышления, имеющим «разновидность в силу потребностей практической деятельности людей» (Чесноков, 1984: 3), а также, приняв во внимание коммуникативную функцию эмоций, их тесную связь с мышлением и их сопряженность с представлениями и понятиями, то естественно признать, что любое слово потенциально является эмоционально «нагруженным» как для говорящего, так и для адресата речи (Шаховский 1987б).

У всякого эмотива есть две стороны: сторона говорящего (выражение эмоций) и сторона воспринимающего (высказывание эмоций). Эмотивное содержание высказываний и целых текстов вырабатывается с учетом представлений об обобщенной эмотивной семантике и о совокупности коннотаций, имеющих в сознании коммуникантов и закрепляющихся в общественном сознании носителей языка. В качестве примера неэкологичной коммуникации, рассчитанной на эмоциональную реакцию адресатов, приведем провокационный текст наружной рекламы клуба «Родина» в Екатеринбурге «Продаем Родину», «60 000 за метр Родины» (пример из: Кара-Мурза, 2013), который вызвал бурю негодования и возмущения у жителей города и гневную дискуссию в интернете и в СМИ. Экологичность любого текста определяется системой ценностей, совпадающей или расходящейся у его авторов и получателей. Указанная реклама носила неэтичный (циничный) характер, т.к. она смещала представления о социальных ценностях, нарушала нормы морали и содержала текст, оскорбляющий патриотические чувства граждан.

Следует отметить, что данная скандальная реклама оказалась эффективной для продавцов клуба, которым удалось продать значительную часть площадей, в том числе благодаря достижению пристрастного (положительного и отрицательного) отношения к рекламе со стороны всех ее потенциальных читателей. Данный факт основан на возможности использования эмотивов не только как механизма выпуска «эмоционального пара» (неориентированное выражение эмоций), но и как сознательного приема воздействия на сознание получателя информации (ориентированное выражение эмоций), основанного на объективных, социально закрепленных компонентах эмотивной семантики и субъективных коннотациях.

Известно, что человек способен также к словесной симуляции эмоций, и если она искусна и незаметна для получателя, то ее восприятие может быть динамически эквивалентным псевдоэмоциональному намерению ее отправителя. Другим видом сознательного формирования эмотивного значения высказывания является вербальная имитация эмоций, которая наблюдается, например, при исполнении актером той или иной

эмоциональной роли, которой зрители или слушатели верят и которой «заражаются», так как у них при этом возникает соответствующее (ожидаемое) эмоциональное сопереживание. Понимание вербально выраженной (истинной или мнимой) эмоции основано на знании получателем того содержания, которое несут знаки-эмотивы, и на предшествующем опыте коммуникантов, в том числе на их видовом эмоциональном опыте. Все эти регулятивные возможности эмотивной семантики используются в практике современного общения.

Существование примеров коммуникативных ситуаций «нервного срыва» не только в рекламном дискурсе, но и в других сферах речевого взаимодействия людей, объясняется недостаточной изученностью и сложностью однозначного определения параметров экологичности коммуникативного поведения, эмотивного значения, эмотивной валентности языковых знаков в бесчисленных эмоциональных ситуациях, а также отсутствием должного внимания к проблеме лингвоэкологии. Как нам представляется, начинать решение этой проблемы необходимо с изменения соотношения между негативной и позитивной информацией в коммуникативном пространстве общества и изменения форм общения.

Пожалуй, уже всеми осознается, что объем негативной информации в сфере СМИ и других видах публичного и индивидуального общения превышает все допустимые для психики человека нормы. Все чаще в социальных и межличностных сферах возникают примеры так называемого синдрома эмоционального выгорания коммуникантов, все чаще публично выражается идея о необходимости уменьшения негативной (а значит, неэкологичной) информации (прежде всего в СМИ). В начале 2013 года депутатом О.Л. Михеевым от города Волгограда был внесен в Государственную думу законопроект о нормах соотношения негативной и позитивной информации в публичных сферах – 30 % и 70 % соответственно. Эту же цель преследует и создание так называемого общественного телевидения России (ОТР), которое по замыслу его авторов должно будет передавать позитивную развлекательную информацию, не будет содержать никакой рекламы, раздражающей телезрителей. Предпринимаемые меры свидетельствуют о том, что общество начинает осознавать значимость эмотивной коммуникации и искать пути ее решения.

Как известно, эмоции семиотичны, консервируются в языковых знаках и прежде всего в слове. Кодифицированность вербальной эмоции предполагает закрепление достаточно определенного для данного языкового социума эмотивного содержания за тем или иным языковым знаком. Эмоциональная семантика языковых единиц «упакована» в лексических синтаксических структурах, предназначением которых является выражение эмоций говорящего и / или эмоциональное воздействие на слушающего. При этом эмоциональное отношение или состояние говорящего как предмет лингвистического обозначения особого типа является не одиночным (индивидуальным) фактом эмоционального переживания, а обобщенным, т.е.

типизированным видовым представлением «категорий из области социально-психической деятельности носителей языка» (Уфимцева, 1986: 96).

Как в свое время утверждал Галилео Галилей, ничто великое не свершалось в этом мире без пристрастия. Это мнение многократно цитировалось как эмоциональный аргумент многих лингвистических и психологических утверждений о природе человеческого «Я» и всей деятельности Человека.

Важнейшим из видов такой деятельности является эмоциональная интерпретация мира и ее отражение в его языковой картине с помощью эмотивной семантики, в том числе и эмотивного значения. В ответ на слова Галилео Галилея можно сказать, что, к огромному сожалению, не только все великое свершается с пристрастием, но и все мелкое, и прежде всего через вербалику, свершается с не меньшим пристрастием современным *homo sentiens*, который все менее и менее похож на *homo sapiens*. Современное агрессивное общение людей непосредственно способствует негативной интерпретации мира, а языковые средства своей эмотивной семантикой моделируют негативную языковую картину мира. Вот почему феномен эмотивного значения продолжает оставаться актуальнейшей проблемой психолингвистики, когнитивистики, а теперь и эмотивной лингвоэкологии.

Литература

1. Азнаурова Э.С. Очерки по стилистике слова. – Ташкент: Фан, 1973. – 405 с.
2. Берлизон С.Б. Эмоциональное значение – особый компонент смысловой структуры ФЕ // Вопросы лексико-семантической системы языка: тез. докл. – К., 1971, ч. 1. – С.10 - 18.
3. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Тр. ин-та рус. яз. – М.; Л., 1950, Т. 2. – С.41 – 68.
4. Жоль К.К. Мысль. Слово. Метафора: Проблемы семантики в философском освещении. – Киев: Наукова думка, 1984. – 301 с.
5. Кара-Мурза Е.С. Лингвоконфликтология: основные понятия и вузовские варианты // Журналистика и культура русской речи. Научно-практический журнал. – 2011. – № 2 (58). – С. 64 – 79; Продолжение. – № 3 (59). – С. 54 – 73; Заключение. – № 4 (60). – С. 64 – 79.
6. Кара-Мурза Е.С. Юридизированные эмоции как причины и последствия речевых конфликтов // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко; редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – С. 178 – 191.
7. Козырева М.М. Общественная лексика в речи образованных носителей английского и русского языков: функционально-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2013. – 21 с.
8. Кононова И.В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и

диахронии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург, 2010. – 40 с.

9. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://bookz.ru/authors/maksim-krongauz/russkii-_377.html, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

10. Ларина Т.В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. – М.: Языки славянских культур, 2013. – 360 с.

11. Романов А.А. Лингвоэкологическая профилактика вербальной агрессии в профессиональной коммуникации [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2012. - № 3 (29). - ISSN 1999 – 8406; Гос. рег. № 0420800038. - Идентификационный номер 0421200038\XXXX. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

12. Романов А.А., Костяев А.П. Эмоциональная личность в профессиональной коммуникации [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2010. - № 3 (20). - ISSN 1999 – 8406; Гос. рег. № 0420800038. - Идентификационный номер 0421000038\0025. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

13. Сущенко Е.А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / Под ред. докт. пед. и филос. наук, профессора Л.Г. Татарниковой. – СПб.: ИД «Петрополис», 2011. – 424 с.

14. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принципы социологического описания лексики. – М., 1986.

15. Чесноков П.В. Логические и семантические формы мышления как значения грамматических форм // Вопросы языкознания. – 1984. – № 5. – С. 3–13.

16. Шаховский В.И. Соотносится ли эмотивное значение слова с понятием? // Вопросы языкознания. – 1987а. – № 5. – С. 47 - 58.

17. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987б. - С. 88 - 100.

18. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

19. Шаховский В.И. Русский мат как коммуникативная «приправа» // Шаховский В.И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – С. 112 – 123.

20. Шаховский В.И. Модус экологичности в эмоциональной коммуникации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко; редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – С. 53 – 61.

21. Шаховский В.И. Семантика и семиотика оскорбления в конфликтной коммуникативной ситуации [Электронный ресурс] //

Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2012. - № 1 (26). - ISSN 1999 – 8406; Гос. рег. № 0420800038. - Идентификационный номер 0421200038\0001. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

22. Шаховский В.И., Штеба А.А. Сущенко Е.А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / Под ред. докт. пед. и филос. наук, профессора Л.Г. Татарниковой. – СПб.: ИД «Петрополис», 2011. – 424 с (рецензия) // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – Киев, 2013. – № 1. – С. 69 – 72.

23. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко; редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013.

24. Stankiewicz E. Problems of Emotive Language // Approaches to Semantics / ed. by Th.A. Sebok, Monton and Co. – London, 1964. – p. 239 - 246.

25. Stevenson Ch.L. Meaning: Descriptive and Emotive // The Philosophical Review. – 1948. – Vol. XLVII. – № 2. – 127 - 144.

26. Stevenson Ch.L. Some Pragmatic Aspects of Meaning // Reading in Semantics. – Illinois, 1974. – P. 17 – 25.

Данная статья представляет собой значительную переработку статьи Шаховский В.И. Что такое эмотивное значение? // Проблемы изучения слова: семантика, структура, форма: сборник научных трудов. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1990. – С. 47 - 53.

References

1. Aznaurova E.S. Essays on the style of word [Ocherki po stilistike slova]. – Tashkent: Fan, 1973. - 405 s.

2. Berlizon S.B. Emotional meaning is a special component of semantic structure of FE [Emotsionalnoye znacheniye – osobyuy komponent smyslovoy struktury FE] // Voprosy leksiko-semanticheskoy sistemy yazyka: tez. dokl. – K., 1971, ch. 1. - S.10 - 18.

3. Vinogradov V.V. On the category of modality and modal words in Russian language [O kategorii modalnosti i modalnykh slovakh v russkom yazyke] // Tr. in-ta rus. yaz. – M.; L., 1950, T. 2. - S.41 – 68.

4. Zhol K.K. Thought. Word. Metaphor: Problems of semantics in philosopher light [Mysl. Slovo. Metafora: Problemy semantiki v filosofskom osveshchenii]. – Kiyev: Naukova dumka, 1984. – 301 s.

5. Kara-Murza Ye.S. Linguistic Conflict: Basic Concepts and university options [Lingvokonfliktologiya: osnovnyye ponyatiya i vuzovskiye varianty] // Zhurnalistika i kultura russkoy rechi. Nauchno-prakticheskiy zhurnal. – 2011. – № 2 (58). – S. 64 – 79; Prodolzheniye. – № 3 (59). – S. 54 – 73; Zaklyucheniye. – № 4 (60). – S. 64 – 79.

6. Kara-Murza Ye.S. Juridical emotions as the causes and consequences of speech conflicts [Yuridizirovannyye emotsii kak prichiny i posledstviya

rechevykh konfliktov] // Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve: kollektivnaya monografiya / nauch. red. prof. V.I. Shakhovskiy; otv. red. prof. N.N. Panchenko; redkol.: Ya.A. Volkova, A.A. Shteba, N.I. Korobkina. – Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2013. – S. 178 – 191.

7. Kozyreva M.M. Obscene vocabulary in the speech of educated English and Russian native speakers : functional-pragmatic aspect [Obstsennaya leksika v rechi obrazovannykh nositeley angliyskogo i russkogo yazykov: funktsionalno-pragmaticheskiy aspekt]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Moskva, 2013. – 21 s.

8. Kononova I.V. Structure and language representation of the British national moral and ethical sphere of concept (in synchrony and diachrony) [Struktura i yazykovaya reprezentatsiya britanskoy natsionalnoy moralno-eticheskoy kontseptosfery (v sinkhronii i diakhronii)]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Sankt-Peterburg, 2010. – 40 s.

9. Krongauz M.A. Russian language on the verge of a nervous breakdown [Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva] [Elektronnyy resurs]. – Elektron. dannyye. – Rezhim dostupa: http://bookz.ru/authors/maksim-krongauz/russkii-_377.html, svobodnyy. – Zagl. s ekrana. – Yaz. angl.

10. Larina T.V. English and Russian: language, culture, communication [Anglichane i russkiye: Yazyk, kultura, kommunikatsiya]. – M.: Yazyki slavyanskikh kultur, 2013. – 360 s.

11. Romanov A.A. Linguaecological prevention of verbal aggression in professional communication [Lingvoekologicheskaya profilaktika verbalnoy agreszii v professionalnoy kommunikatsii] [Elektronnyy resurs] // Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Mir lingvistiki i kommunikatsii». – Tver: TGSKhA, TIPLiMK, 2012. - № 3 (29). - ISSN 1999 – 8406; Gos. reg. № 0420800038. - Identifikatsionnyy nomer 0421200038\KhKhKhKh. – Rezhim dostupa: <http://tverlingua.ru>

12. Romanov A.A., Kostyayev A.P. Emotional person in professional communication [Emotsionalnaya lichnost v professionalnoy kommunikatsii] [Elektronnyy resurs] // Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Mir lingvistiki i kommunikatsii». – Tver: TGSKhA, TIPLiMK, 2010. - № 3 (20). - ISSN 1999 – 8406; Gos. reg. № 0420800038. - Identifikatsionnyy nomer 0421000038\0025. – Rezhim dostupa: <http://tverlingua.ru>

13. Sushchenko Ye.A. Glossary of linguaecological terms and concepts [Slovar-spravochnik lingvoekologicheskikh terminov i ponyatiy] / Pod red. dokt. ped. i filos. nauk, professora L.G. Tatarnikovoy. – SPb.: ID «Petropolis», 2011. – 424 s.

14. Ufimtseva A.A. Lexical meaning: Principles of sociological description of vocabulary [Leksicheskoye znachenie: Printsipy sotsiologicheskogo opisaniya leksiki]. – M., 1986.

15. Chesnokov P.V. Logical and semantic forms of thinking as the meaning of grammatical forms [Logicheskiye i semanticheskiye formy myshleniya

как значения грамматических форм] // Вопросы языкознания. – 1984. – № 5. – С. 3–13.

16. Shakhovskiy V.I. Does emotive meaning correlate with the concept? [Sootnositsya li emotivnoye znachenije slova s ponyatiem?] // Вопросы языкознания. – 1987a. – № 5. – С. 47 - 58.

17. Shakhovskiy V.I. Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language [Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka]. – Voronezh, 1987b. - С. 88 - 100.

18. Shakhovskiy V.I. Linguistic theory of emotions [Lingvisticheskaya teoriya emotsiy: monografiya]. – M.: Gnozis, 2008. – 416 s.

19. Shakhovskiy V.I. Russian foul language as communicative “spice” [Russkiy mat kak kommunikativnaya «priprava»]// Shakhovskiy V.I. Golos emotsiy v yazykovom krugе homo sentiens. – M.: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2012. – С. 112 – 123.

20. Shakhovskiy V.I. Modus of ecology in emotional communication [Modus ekologichnosti v emotsionalnoy kommunikatsii] // Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve: kollektivnaya monografiya / nauch. red. prof. V.I. Shakhovskiy; otv. red. prof. N.N. Panchenko; redkol.: Ya.A. Volkova, A.A. Shteba, N.I. Korobkina. – Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2013. – С. 53 – 61.

21. Shakhovskiy V.I. Semantics and semiotics of insult at conflict communicative situation [Semantika i semiotika oskorbleniya v konfliktnoy kommunikativnoy situatsii] [Elektronnyy resurs] // Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Mir lingvistiki i kommunikatsii». – Tver: TGSKhA, TIPLiMK, 2012. - № 1 (26). - ISSN 1999 – 8406; Gos. reg. № 0420800038. - Identifikatsionnyy nomer 0421200038\0001. – Rezhim dostupa: <http://tverlingua.ru>

22. Shakhovskiy V.I., Shteba A.A., Sushchenko Ye.A. Glossary of linguaeological terms and concepts [Slovar-spravochnik lingvoekologicheskikh terminov i ponyatij] / Pod red. dokt. ped. i filos. nauk, professora L.G. Tatarnikovoy. – SPb.: ID «Petropolis», 2011. – 424 s (retsenziya) // Russkiy yazyk, literatura, kultura v shkole i vuze. – Kiyev, 2013. – № 1. – С. 69 – 72.

23. Emotive linguistic ecology in modern communicative space [Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve: kollektivnaya monografiya] / nauch. red. prof. V.I. Shakhovskiy; otv. red. prof. N.N. Panchenko; redkol.: Ya.A. Volkova, A.A. Shteba, N.I. Korobkina. – Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2013.

24. Stankiewicz E. Problems of Emotive Language // Approaches to Semantics / ed. by Th.A. Sebok, Monton and Co. – London, 1964. – p. 239 - 246.

25. Stevenson Ch.L. Meaning: Descriptive and Emotive // The Philosophical Review. – 1948. – Vol. XLVII. – № 2. – 127 - 144.

26. Stevenson Ch.L. Some Pragmatic Aspects of Meaning // Reading in Semantics. – Illinois, 1974. – P. 17 – 25.

This article represents a significant change of V.I. Shahovsky's article What is emotive meaning? [Chto takoe jemotivnoe znachenie?] // Problemy izuchenija slova: semantika, struktura, forma: sbornik nauchnyh trudov. – Tver': Tverskoj gos. un-t, 1990. – S. 47 - 53.